

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Падение Джены Уолсори

Падение Джены Уолсори (Часть-I).

Ладони Джорджа сжали её полные груди и мисс Джена Уолсори застонала, чувствуя как губы юноши накрывают пылкими поцелуями её соски. Это было удивительно, но даже сейчас, пронзённая насквозь мужским любовным копьём она заливалась краской стыда и ужаса от сознания того, что её тело представлено перед мужскими глазами полностью обнажённым. Да, разве видано такое, чтобы добропорядочная и добронравная леди, ложилась в постель к мужчине в столь непотребном обнажённом виде.

Мисс Уолсори рожала два раза. И дала этому миру двух крепких и умных сыновей, свою опору в грядущей старости и на радость своим отцам. И всегда на супружеское ложе к мужьям она приходила, как и подобает благонравной христианке в целомудренной ночной рубашке до пят. И, конечно, в постели, дабы не впасть через грех сладострастия в лапы нечестивого, всегда свято блюла правило настоящей дамы, — «леди в постели не двигаются». Да, именно так... Как учила её мать, а ту её мать. Ибо соитие мужского и женского тела в брачном союзе должно происходить во имя продолжения рода и зачатия детей, а не ради сладострастия. И, конечно, только «мужчина сверху». Так изрекали на службах все протестантские священники. И мисс Уолсори, как истая христианка и дочь священника-протестанта всю жизнь блюла заповеди отцов святой церкви.

Не в силах поверить в реальность происходящего, уже в который раз за эту ночь, она закрывала и открывала глаза, в тайне надеясь, что весь этот стыд и срам развеется, словно дым и окажется просто её ночным кошмаром.

Но то, что сегодня вытворяли с ней мальчики... Это не было сном. И это никак не укладывалось в её пуританскую голову, да и никак и не могло уложиться. Это был страшный неискоренимый грех прелюбодеяния, сладострастия, кровосмешения... И всё происходящее наполняло её душу ледяным ужасом невероятного грехопадения. Никогда, даже в страшном сне, Джена Уолсори не могла и помыслить, что судьба приготовила ей подобную участь..

Впрочем, что она могла поделать? Лишь, только про себя читать молитвы... За себя, и конечно, за своих отпрысков, которых любила больше жизни — Саймона Рэйли и Джорджа Сиварда.

Более, никак она не выказывала своего сопротивления. Ибо всю жизнь привыкла, как добропорядочная христианка, леди, мать и жена свято почитать и другую святую заповедь. Женщина хранительница домашнего очага. Место женщины — у плиты, на кухне и в детской. Жена должна слушаться мужа, сестра слушаться брата, а мать сына.

Конечно, сегодня мало того, что она совсем не была готова к столь бурному натиску на своё целомудренное благочестие и тело, но и без того, её природная кроткость и послушание никогда не позволяли ей ослушаться мужчины. Слово мужа или отца всегда были для Джены Уолсори законом. И за всю свою жизнь, как бы мальчики не озорничали, ни словом ни делом, никогда она их не наказывала. Наказывать сыновей право и обязанность мужа и отца.

Слабая и мягкая женщина, — всё, что ей оставалось это только лишь кротко и послушно принять притязания своих сыновей.

Саймон по прежнему крепко держал её руки сзади, со сведёнными вместе локтями, словно,

боялся, что она начнёт сопротивляться. Джена не понимала зачем он это делает. Она и так добровольно вздымалась и опускалась на члене Джорджа, подбадриваемая шлепками Саймона по своей попке.

В слезах, совершенно пунцовая, стгорая от стыда и благонаправного трепета, она смотрела в лицо распростёртого под ней Джорджа и к своему вящему ужасу не находила на нём никаких других чувств, кроме сладострастия и блаженства.

Джордж то и дело подавался бёдрами ей навстречу, и тогда Джена нет-нет и тонко вскрикивала, потому, как ей казалось, что ещё чуть-чуть и любовное копьё юноши проткнёт её насквозь. Да, мужское достоинство Джорджа обладало поистине исполинскими размерами. Правда, это отнюдь не наполняло бедную женщину гордостью за своё чадо. Её целомудренному лону с трудом удавалось принимать в себя этого гиганта..

Джордж снова приподнялся и приник горячими губами к её грудям и Джена снова застонала, на этот раз она ощутила и его зубы, нетерпеливо и жадно покусывающие её молочно белую кожу.

— Дорогой брат, поздравляю, — с тихим смешком раздался над ухом мисс Уолсори голос Саймона, — вот ты и расстался с невинностью.

— Да... Да... Это прекрасно... , — простонал запинаясь Джордж. Его красивое, ещё по-детски немного пухлое лицо, сочилось самым настоящим счастьем. Он сжал в своих ладонях бёдра мисс Уолсори, с силой насаживая её на своё распалённое естество, заставив несчастную женщину, совсем не привыкшую за свою размеренную пуританскую жизнь к столь страстному и пылкому соитию, опять жалобно застонать и забиться в плену рук Саймона, будто птица, попавшая в капкан.

— Джена... Дорогая Джена... — горячо шептал Джордж, бешено двигая бёдрами навстречу бёдрам мисс Уолсори, — какая ты сладкая и горячая...

— Любимый брат, — самым любезным тоном добавил Саймон, — я полагаю, тебе стоит в благодарность поцеловать Джену... Мне, кажется, она это заслужила..

Да, Джордж её сегодня ещё не целовал... Саймон да, страстно и пылко, много раз... Но Джордж. Стесняясь и смущаясь, всё заглядывал в её глаза, но так и не решился сомкнуть свои губы на губах матери.

О, господи, насаженная на его любовный мускул, словно, на кол, Джена снова залилась пунцовой краской от мысли, что её уста будут осквернены греховным поцелуем и с младшим сыном. Если, конечно, это ещё возможно, после сегодняшнего, ещё более осквернить её уста... Учитывая, что ещё полчаса назад, в жарко истопленной индейской бане в скале у прудика, её уста уже были осквернены этими юными греховодниками по очереди, да так, что это не умещалось до сих пор в её голове и теперь простой поцелуй после этого мог сойти за вполне невинную забаву.

Да, в этой бане, пребывая на грани обморока от святотатственного ужаса и чувства собственного падения в бездонную бездну греха, она познала вкус плоти собственных сыновей. Как бордельная шлюха и по другому это не назовёшь... Сначала Саймона, а потом и Джорджа.

Тут уж младшего отпрыска совесть не мучила... Хотя, скорее всего, вид старшего брата со смаком насаживающего голову матери на свою возбуждённую булаву, наполнил чресла и младшего брата столь бурным возбуждением, что он уже не мог сдержать в себе греховные порывы... Всю мощь возбуждения младшего сына мисс Уолсори ощутила в своём горле, едва

успев отдышаться после бурного извержения старшего сына, которое наполнило до краёв её рот горячим семенем... Джордж был настолько возбуждён и нетерпелив, что даже не дал ей прополоскать рот после Саймона... И в отличие от своего старшего брата, долго и размеренно мучившего её, Джордж взорвался бурным потоком уже самое большое через минуту.

О, как жалела она и корила себя, что сразу не раскусила юных бесстыдников и их поистине коварного сарацинского плана. Но мальчики были столь милы и искренни, так трогательно радовались её приезду и самое главное, — а какая мать способна узреть в своих чадах столь несусветный подвох?

И мисс Уолсори, отвечая на частые тосты сыновей, и сама очень радуясь после столь долгой разлуки видеть своих сыновей поднимала бокал вина за бокалом... Пить она никогда не умела. Да и не пила благочестивая леди никогда в жизни. Но сегодня и сама не заметила, как хмель весело зашумел в голове, мысли стали путаться, а руки и ноги сделались как-то незаметно ватными и непослушными..

Но всё же, сколь не была навеселе мисс Уолсори, идея про индейскую баню её всё равно насторожила. Нет, с дороги она, конечно, просто мечтала о горячей воде и губке с мылом. Но было совершенно неприемлемо, что мальчики упорно вызывались быть её банщиками.

И это было невозможно, но в конце концов она согласилась...

Последней мыслью было, что в конце концов, она может одеть длинную до пят сорочку, а искупается уже после, когда мальчики уйдут... О, если бы она знала, что такое индейская баня и какие мысли кроются в голове её «банщиков».. Потому, как скоро в невозможно жарко истопленной комнате, оба сына долго проходились по её телу пихтовыми вениками. И когда мисс Уолсори, совсем потеряла голову от выпитого вина и несравнимого жара в бане, распаренная до красна, совсем уж без сил, потому как ноги и руки, словно, стали ватными и многопудовыми... И вот тогда рука Саймона легла ей на грудь...

Мисс Уолсори, конечно, вскинула негодующий взор на старшего сына.

И обомлела в полном смятении чувств... Саймон совершенно обнажённый стоял перед ней и как-то странно и страшно улыбался... А его рука настойчиво мяла её грудь...

Но всё-таки, только сейчас она ощутила укол гнева... И это тоже было странным. Ни после того, что с ней сотворили в бане, ни сейчас, когда против всякой на то её воли, заставляли ублажать Джорджа, она не испытывала злости на своих сыновей, а только грусть и печаль. Но вот это самое, — «Джена, или мисс Уолсори». Её мальчики никогда так её не называли. Они всю жизнь трепетно любили и искренне почитали её, так что отец Джейкоб не раз в своих проповедях упоминал это в церкви, вызывая горделивый румянец на щеках мисс Уолсори под одобрительными взглядами соседей-прихожан. Джена привыкла слышать из уст сыновей другое обращение, — «дорогая мама», «любимая мама» и тому подобное... И ей совсем не нравилось, что её сыновья обращаются к ней теперь не так.

Ей это очень не понравилось ещё в бане, когда Саймон, прижав её лицо к своим бёдрам, так что её нос упёрся ему в живот и, дрожа от охватившей его греховной неги, прошептал:

— О, милая Джена... Господи, как же я долго мечтал об этом..

Мисс Уолсори кольнуло это ещё в тот миг. Но, тогда, что либо возразить на это ей помешал член сына глубоко в её горле.

— О, Джена... Я люблю тебя... , — Джордж смотрел в её глаза и приподнимаясь на локтях, тянулся к её губам.

Мисс Уолсори замерла, перестав двигаться на его члене и строго посмотрела в глаза

младшего сына. Этот взор её мальчишки знали с младых лет. Как-то, лет в пятнадцать Джордж ей признался, что этот взгляд сродни с ушатом ледяной воды за шиворот. Он действовал, даже на Саймона, всегда безотказно, — разьзорничавшиеся мальчишки тут же успокаивались и, опустив голову в пол, становились, как шёлковые.

Вот и сейчас, невзирая на любовную горячку, Джордж нерешительно замер, глядя ей в глаза и краснея, будто нерадивый школьник. Что-то неладное почуял и Саймон, потому как мисс Уолсори ощутила, что хватка его ладони на её сведённых сзади руках ослабла, и другой рукой он уже не так сильно сжимал её ягодицу.

— Джордж... Я твоя мама... , — тихим, но строгим голосом проговорила мисс Уолсори, глядя в глаза сыну — ты забыл, что говорил преподобный отец Джейкоб на проповеди? Как подобает обращаться отпрыску не взирая на свои года, к матери или отцу? Я не потерплю подобного обращения от собственных сыновей, кому я дала жизнь и кого вырастила...

Джордж открыл рот, словно рыба, выброшенная на берег. Он зарделся от смущения и явно не знал, что сказать.

Мисс Джена почувствовала губы Саймона у самого своего уха:

— Простите нас, дорогая мама, мы не хотели Вас обидеть... , — тихо прошептал он извиняющимся тоном, — но просто мы решили, что теперь... После случившегося между нами..

Мисс Уолсори потрянула пышными волосами:

— За это грязное непотребное дело, молодые люди, вы ещё получите от меня утром... Клянусь, за этот ужасный грех в церкви вы отслужите не одну епитимью, — она снова посмотрела в глаза Джорджу, — но ничто не даёт Вам права, юноши, относиться без должного уважения и почтения к вашей матери! Даже теперь..

— Мама... Простите нас... , — лицо Джорджа просветлело. Он больше не краснел и смущался. В его глазах опять мелькнуло что-то хищное грубое и мужское, чего в нём не было раньше и что появилось теперь за эти полгода вдали от отчего дома и то самое, что всегда в её мужьях, отцах её детей, заставляло мисс Уолсори безоговорочно подчиняться и склонять голову., — мама, я люблю Вас... Моя мама..

Джордж ласково погладил её ладонями по щекам, и мягко потянул её к себе, пока их уста не слились в долгом и нежном поцелуе. Джена закрыла глаза, чувствуя, как язык сына глубоко проникает в её рот, и как его плоть внутри неё наливается новой силой. Мальчика буквально распирало от желания и страсти.

Да, совсем, как его отец, подумала мисс Уолсори, чувствуя, как воспоминания о её втором муже, Джеке Сиварде, наполняют её душу нежным трепетом и истомой.

Грешно так думать, но нередко в самых потаённых мыслях, мисс Джена признавалась себе, что Джек был единственным мужчиной в её жизни, которого она любила всем сердцем, а не только уважала и почитала, как то подобает верной и хорошей жене. И только с ним на брачном ложе, ей было очень трудно соблюдать кредо добропорядочной дамы, — «леди в постели не двигаются»... Часто, ей было стыдно перед Саймоном, ведь именно Джордж, сын единственного любимого Джека Сиварда, всегда был её любимчиком и баловнем, в котором она души не чаяла. Ведь и сам Джордж с годами становился как две капли воды похожим на Джека. А Саймону оставались лишь остатки материнской любви и ласки.

Быть может от того, теперь Саймон и предъявил свои права не только на её сердце, но и на тело. Что ж тогда, в случившемся больше её вины, нежели Саймона. Мисс Джена никогда не

была склонна переключать свою вину на плечи других..

Мисс Уолсори и сама не заметила, что снова двигает бёдрами в такт движениям младшего сына. Как опытная наездница, которая обкатывает молодого горячего жеребца, подумала она нечаянно. Но эта мысль показалась ей настолько неприличной и греховной, что она поспешно отогнала её прочь..

Нежные губы сына дурманили и наполняли тело давно забытым блаженством, которое она испытывала только в объятиях Джека Сиварда..

— Джек... — прошептала бессознательно мисс Джена, когда их с Джорджем уста разомкнулись, — о, боже, мой мальчик, как ты похож на своего отца...

Но Джордж, казалось, её не слышал. Откинув голову на подушку, он закрыл глаза, наслаждаясь новыми для себя чувствами. Его руки снова вернулись на бёдра матери, чтобы задавать ей темп наиболее приятный для себя.

Мисс Уолсори не удержалась и улыбнулась.

Избалованный мальчишка, подумала она с какой-то неожиданной теплотой и нежностью, которая бывало, накатывала на неё и прежде, когда она любовалась безмятежным лицом спящего в своей кроватке маленького Джорджа.

Бёдра Джорджа заходили ходуном, а его красивое лицо исказила гримаса вселенского наслаждения.

— Мама... — его пальцы глубоко врезались в плоть на бёдрах мисс Уолсори, крепко прижимая мать к своим бёдрам. — о, мама...

Господи, подумала мисс Джена, её сын кончает. Впервые её мальчик извергнет своё семя в женщину. И так уж вышло, что этой женщиной будет она сама.

— О, Джордж, мой мальчик... , — в порыве материнской нежности, она прижалась всем телом к горячему сильному телу младшего сына, покрывая его лицо и губы поцелуями..

— Мама, — стонал Джордж, двигая под ней бёдрами с невероятной силой, буквально подбрасывая на себе тело матери, — о, мама..

— Да, мой хороший, мама твоя... , — шептала она в слезах, глядя его белокурые локоны.

Тело сына изогнулось дугой, так что мисс Уолсори с трудом удержалась на нём верхом и через миг ощутила, как горячие и мощные струи горячего семени глубоко внутри неё стали наполнять её чрево.

Наверное, сейчас она была на грани помешательства, — её мальчик орошал семенем материнское лоно, святая святых, когда-то давшее ему жизнь и куда он не должен был никогда возвращаться... О, как же долго и бурно изливался он в неё. Джена чувствовала, как член Джорджа сильными толчками, выплескивает густую горячую сперму в самую глубину её материнства. По страшной невообразимой случайности она отняла у своего сына его невинность. О да, она украла у него девственность... Эта мысль была совершенно безумной для разума добропорядочной леди, коей всегда себя считала мисс Уолсори. Из-за злого рока, её любимый сын крестил свой девственный член в глубинах ее материнской женственности. И совсем не чувствуя всей глубины сего страшного грехопадения, доведенный до иступления, Джордж яростно вгонял свой член, извергающий потоки семени в самую священную из глубин. Неразвращенный невинный юноша, потерявший голову от страсти, совсем не понимает, что этим он сжигает свою душу в богохульном огне кровосмешения. И мисс Уолсори знала, что никогда не простит себя за это.

Она не могла винить в случившемся своего сына. Милый Джордж не смог устоять перед

греховной притягательностью её тела, сбитый с толку ужасающим примером своего старшего брата. Разве можно в этом винить его? Нет, в этом была только её вина, была полностью убеждена мисс Уолсори.

Взмокшая, совершенно без сил, в состоянии полуобморока от сознания свершившегося страшного греха кровосмешения, мисс Уолсори упала на грудь Джорджа, заливаясь слезами. Мокрые от собственного пота, уставшие и опустошённые, мать и сын лежали в объятиях друг друга. На лице Джорджа блуждала счастливая улыбка...

Мисс Уолсори снова всхлипнула. Нет, ни тени раскаяния не могла она найти на безмятежном лице сына. Её младший сын подарил ей свою невинность и нисколько об этом не жалел. Господи, сколько сил и надежд вложила она в своих сыновей, воспитывая в их душах истинное почтение к заветам церкви. И как легко её дети преступили через самый строгий из этих заветов за одну только ночь.

Как прав был отец Джейкоб, когда увещал на своих проповедях о силе нечестивого в первородных грехах и о том, как падки люди до этих грехов... И как глупа была она, думая, что уж она — то своей истой верой и твёрдым следованиям заветам протестантской церкви, надёжно защищена от греховных происков Сатаны.

О... Видимо, её надеждам и чаяниям, что утолив свою страсть и похоть, Джордж искренне раскается и упадёт к её ногам, моля о прощении, не суждено было свершиться. И ведь, конечно, она всё готова была ему простить. И все вместе, конечно, они бы вымолили в церкви за эту прощение у Всевышнего...

Но... она чувствовала, как руки Джорджа медленно гладят её тело, ощупывая её попку и груди... Нет, это совсем не походило на раскаяние сына перед матерью... И к своему вящему ужасу, мисс Уолсори почувствовала, что в её лоне мужская доблесть Джорджа вновь наполняется любовной силой. Ненасытный мальчик хотел снова искутить запретного плода. Она со страхом посмотрела в глаза младшему сыну:

— Джордж...

Джордж уже закатывал в блаженстве глаза:

— О, мама... Я хочу ещё... Вы настоящее блаженство... , — он потянулся к её губам.

Это было настоящим безумием..

Бёдра Джорджа вновь медленно задвигались под ней, мягко, словно, на океанских волнах покачивая женщину на себе. Копьё младшего сына, разжигаемое греховным пылом, быстро восставало, вновь обретало свои исполинские размеры.

— Мама... прости нас... Мы заставили испытать невинность Джорджа... — на ухо прошептал ей Саймон, — ты ведь не возненавидишь нас, мама?

Мисс Уолсори совсем забыла про старшего сына. Он уже не держал её рук, хоть мисс Джена и продолжала их так же держать за своей спиной. Она подумала, что с её стороны это самый настоящий самообман. Но так ей легче было принимать происходящее... Если и дальше всё представлять так, что изголодавшие по женской ласке мальчики, силой принуждают её к этому невообразимому грехопадению.

Руки Саймона теперь сжимали и мяли её груди, и мисс Уолсори не могла бы сказать, что он это делал нежно или ласково. Скорее грубовато, требовательно и по-хозяйски, как хороший собственник ощупывает вымя своей только что купленной коровы. Да, Саймон тоже вылитый сын своего отца, промелькнуло в её голове.

Может быть, этого не понимали её сыновья, но зато ясно и безропотно осознавала она, — она

принадлежит им, сыновьям своих мужей, вся полностью и без остатка. И не было у неё никогда другого смысла в этой жизни. Этого не смог понять и Роберт Уолсори, её третий муж, когда впервые в своей жизни, она восстала против мужа, главы семьи, и, бросив всё, примчалась сюда, в этот богом забытый уголок на Аляске к своим сыновьям... Потому, что не видела белого света от тоски и волнения за них, вдали от своих сыновей.

И быть может поэтому, так безропотно принесла в жертву своим сыновьям и своё пуританское благочестие и своё, не знавшее прежде греха, тело, послушно отдавшись во власть их плотских и совсем не сыновьих порывов.

— Мама?. — Саймон мягко укусил её за мочку уха, — мама... Вы злитесь на меня?

Потребовалось время, чтобы мисс Уолсори смогла ответить старшему сыну. Любовная мощь Джорджа глубоко в её чреве и бешеная скачка, с которой происходило новое любовное слияние их тел, сбивало дыхание и уже путало мысли. Мисс Уолсори подняла руки и, нащупав позади себя шею Саймона, обхватила её руками и притянула сына к себе..

— Ох... Саймон... , — она снова не удержалась и вскрикнула, когда опять глубоко и резко опустилась на член Джорджа, — Саймон... Разве может мать, не простить своё чадо? Свою... плоть... и свою... кровь... ?

Саймон прижался к ней всем телом. И мисс Уолсори не могла не почувствовать его напряжённую плоть, упёртую в её ягодицу. Его пальцы больно теребили её соски.

— Так говорит преподобный Джейкоб в своих проповедях, мама... , — Саймон всё теснее буравил её ягодицу своим возбуждённым естеством, — мама, если вы меня любите... Поцелуйте меня... И пусть, это будет поцелуй материнского прощения..

Он не дал ей времени на размышление и, повернув её голову набок к себе, накрыл безвольные покорные губы матери поцелуем. Мисс Уолсори послушно ответила на поцелуй, переплетая свой язык с языком сына. Наградой ей за то была неожиданная нежность со стороны Саймона. В бане он целовал её грубо и требовательно, совсем не так, как сейчас, — трогательно мягко и нежно, а его рука, сжимавшая её грудь, внезапно перестала доставлять ей боль...

В водовороте самых противоречивых чувств, она и не заметила, как губы Саймона сменили губы Джорджа. Она долго целовалась с Джорджем.

— Мама... Моя мама... — в страсти шептал Джордж, — я люблю Вас, мама... Я хочу Вашу грудь... Грудь, которая вскормила меня...

И мисс Уолсори склонялась над нетерпеливыми губами младшего сына, отдавая ему свою грудь. Джордж в каком-то исступлении мял сочную плоть ладонями, принимал поочерёдно к каждому соску губами и жадно неистово сосал их. На какое-то время она опять совсем позабыла о старшем сыне..

А Саймон сзади целовал её шею... Его губы спускались ниже, мисс Джена ощущала обжигающие поцелуи на своей спине, потом пояснице. Руки Саймона мяли её ягодицы.

— Брат, прижми маму к себе... , — голос старшего прерывался от возбуждения.

Джордж послушно привлёк маму к себе, так что она уже лежала на нём, и снова впился в её губы поцелуем. Его копьё было глубоко в матери до самого конца, но мисс Уолсори уже не испытывала от этого никакой боли или неудобства. Они замерли так, слившись в единое целое, не прерывая долгого неторопливого сочного поцелуя.

Джена уже не пыталась про себя читать молитвы во спасение, и вообще всячески гнала от себя любые мысли о грехе и своём падении, иначе чувствовала, что до утра сойдёт с ума.

Молитвы и спасение своей души, — всё это будет утром, потом. В этой постели и сейчас это всё — равно уже ничего не могло исправить или спасти её. Со всей возможной нежностью и лаской она целовала Джорджа и сейчас больше ни о чём мыслить не хотела, и не могла. Всю жизнь привыкшая слушаться и подчиняться мужчинам, она и сейчас, совершенно беспомощная в сильных руках сыновей, безоговорочно и, как ей казалось, благоразумно, учитывая решительность её сыновей, покорялась душой и телом их греховным желаниям.

Пальцы Саймона медленно раздвинули её пышные упругие ягодицы. Мисс Уолсори, несмотря на зрелый возраст и богатый жизненный опыт, в плотских утехах была совершенно невинна, чтобы заподозрить в подобных действиях старшего сына какой-то подвох. Да, что там говорить, раньше, за всю свою жизнь, она даже и представить не могла, что мужское достоинство можно взять хотя бы в руки, а не то, что в рот. Или, что можно совершать с женщиной любовное соитие, неосвящённое таинством брака, да ещё и в позе наездницы, словно, распутная грязная шлюха. Подобные мысли ещё совсем недавно не могли у неё вызвать ничего кроме праведного гнева и благочестивого крайнего порицания.

Конечно, сама мисс Уолсори не призналась бы в этом и под самой страшной пыткой, но за одну эту ночь её сыновья в определённом смысле слова «просветили» её так, как ни один из её мужей за всю её жизнь.

Благонравная степенная дама даже не забеспокоилась, когда Саймон, склонившись к самой ей попке и смачно плюнул в самый кружочек её ануса. Признаться, после сегодняшних «познаний» подобное было воспринято мисс Дженой не более, чем очередной извращённой прихотью испорченной (испорченной, конечно же, за эти полгода в этом ужасном краю, вдали от отчего дома и её благотворного влияния) натуры Саймона. Кроме того, в данный момент всё внимание мисс Уолсори было обращено на младшего сына. Не заметила она и того, как над её плечом её сыновья украдкой переглянулись... И после этого Джордж заключил её в свои объятия, крепко прижимая тело матери к себе.

Забеспокоилась мисс Уолсори, пожалуй, только тогда, когда почувствовала, как в её анус медленно проникает, по всей видимости, палец Саймона.

Наверное, Джордж понял её беспокойство по её округлившимся глазам, потому как тут же опять обнял маму за шею и снова приник к её губам. Мисс Уолсори не смела прервать этот поцелуй, дабы не обидеть Джорджа и с поистине христианской терпеливостью сносила изошрённую пытку от старшего сына.

Это было настолько грязно и неприлично. Мысли мисс Уолсори заметались, словно, испуганные чайки. Палец Саймона неумолимо вошёл в неё до самого конца, а затем так же медленно вышел и так несколько раз. Несчастной женщине было не столько больно, насколько неприятно и унижительно. Да, разве мыслимо ли такое проделывать с живым человеком? И самое главное, она совсем не могла уразуметь, для чего это вообще Саймон с ней делает? И есть ли границы распущенности и нравственному упадку её старшего сына? Её искренне поражали эти новые черты, что открывались в Саймоне. О, да он всегда был подвержен дурному влиянию и греховным соблазнам, и никогда не был добронравным ребёнком, обладая просто невероятным талантом влипать во всяческие неприятные истории, за что был десятки раз нещадно порот... Впрочем, на Саймона никогда и никакое наказание не имело должного эффекта.

Пальцы Саймона, сжимая плоть, вновь широко раздвигают её ягодицы... И снова, мисс Джена чувствует, как обильная слюна орошает её анус... Что бы не задумал Саймон, но он не

собирается останавливаться.

А Джордж не даёт ей забыть о себе. Его руки гуляют по её телу. Ласкают и глядят её плоть. Его губы целуют её лицо, находят губы. Бёдра Джорджа вновь мощным рывком вздыбливаются вверх, покачивая мать на любовных волнах... Насажённая на его огромный кол, мисс Уолсори снова на какое-то время забывает о Саймоне.

На миг ей показалось, что её сыновья играют с ней, словно, два кота с бедной глупенькой мышкой... Она подумала об этом, когда Саймон стал опять медленно надавливать на её девственный анус, но уже двумя пальцами..

То, что это были его пальцы, а не член, мисс Уолсори не сомневалась... Размеры мужского достоинства своего старшего сына она уже ясно себе представляла У неё была возможность в бане и узреть эти размеры, и почувствовать. И своим ртом, и своим лоном..

Пальцы Саймона туго, но неумолимо вторгались, преодолевая сопротивление, в её сфинктер и, наверное, если бы они не были так обильно орошены его слюной, мисс Джене сейчас бы пришлось совсем не сладко. Саймон, снова и снова погружал пальцы в её попку, медленно водил ими туда — обратно... А потом, и вовсе глубоко внутри неё принялся вращать пальцами в разные стороны, словно, хотел растянуть её анус...

Даже бесконечному терпению и природной кротости мисс Уолсори уже приходил конец. Подобного унижения не должна терпеть ни одна женщина в этом мире. Но вдруг страшная мысль озарила её голову, от которой она едва не лишилась чувств... Да, это был не любовный мускул Саймона, а пальцы... Да, пока ещё это были его пальцы... Но пальцы готовили тропу там, куда следом скоро должно устремиться и мужское начало их хозяина.

Эта мысль была невероятна по своей дикости и ужасу. И в первый миг, мисс Уолсори не могла в это поверить. Признаться, она слышала о нечто подобном, что самые грязные и распущенные мужланы вытворяли с непотребными девками в домах терпимости. Но, надо сказать, она и тогда не в силах была уразуметь и поверить в подобное..

Она хотела встрепенуться, но Джордж прижимал её к себе...

— Саймон... , — взмолилась Джена вне себя., — что ты делаешь? Нет, не надо..

— Тихо, мамочка, не бойтесь, — Джордж ласково гладил её одной рукой по волосам, — Саймон, не сделает Вам ничего плохого... Мы любим Вас мама..

Она почувствовала губы Саймона на своём плече.

— Мама, Вам понравится, — сказал он самым кротким голосом, — я просто хочу немного поиграть с Вашей попкой.

Джордж нежно поцеловал её в лоб.

— Вы так увлечены друг другом, мама, — елеинным голосом добавил Саймон, — что я просто изнываю от желания присоединиться к Вашей идилии, мама... Дорогой брат, Вы не против?

Джордж улыбнулся самой чистой и лучистой улыбкой, какую когда-либо Джена видела на его челе.

— Конечно, милый брат. Я всей душой за..

Для обоих это словно была некая игра и оба, как будто эдаки мило расшаркивались друг перед другом.

Мисс Уолсори попыталась своим именованным строим взглядом одёрнуть младшего сына, но у неё ничего не получилось. Мысль, что скоро она окажется насажённой на два члена, один из которых будет вставлен в неё совершеннейшим извращённым способом, повергала её в полнейшее смятение.

— Мамочка, всё будет хорошо... Вам понравится... , — Джордж покрывал её лицо мягкими поцелуями..

— Господи, Вам обоим нравится делать из меня шлюху? — в отчаянии зашептала Джена, — Джордж, милый...

Джордж сделал строгое лицо и прижал палец к её губам:

— Мама, что я слышу из Ваших уст? Не смейте изрекать подобное! Вы не шлюха! Вы настоящая леди! Всегда были ей и всегда будете! Для нас с братом нет ничего дороже Вашей чести! За Вашу честь мы убьём любого! — он сказал это совершенно искренне.

Мисс Джена всхлипнула. Что касается последнего, то Саймон это уже доказал на деле, тут ничего не скажешь.

Роджер Биф слыл первым стрелком в округе, и может от того, обладал таким мерзким и несносным характером, да к тому же был редким грубияном, смутьяном задирой. Многие мужчины откровенно его побаивались, чем мистер Биф и любил пользоваться, не стесняясь открыто ангажировать их жён и дочерей. Пока на беду, однажды ему на глаза не попала мисс Джена Уолсори...

Это было впервые, когда вся округа так одобрительно и единогласно гудела в честь Саймона Рэйли. Про ту дуэль до сих пор ходят легенды... Про то, как раненный в руку юнец, то бишь Саймон, хладнокровно пристрелил негодяя и лучшего стрелка штата Роджера Бифа. Может быть даже, втихомолку, мисс Уолсори и гордилась сим фактом, тем паче, что она в жизни от соседей не слышала про Саймона столько лестных и тёплых слов. Все прочие беды и тёмные истории с её старшим сыном соседями были вмиг забыты и Саймон в мгновение ока стал настоящим местным героем. Да на беду, окружной судья оказался двоюродным братом Роджера Бифа...

И ей никогда не забыть той ночи, когда её сыновья верхом на лошадях покидали отчий дом, отправляясь в бега.

— Саймон, мальчик мой, — мисс Уолсори повернула голову набок. Пытаясь разглядеть позади себя старшего сына, — пожалуйста, не делай мне больно, прошу тебя..

— О, нет, мама, что вы... , — Саймон склонился над ней и нежно взяв её за подбородок, накрыл её губы своими. Мисс Джена с готовностью отвечала на его поцелуй со всей возможной нежностью, надеясь умиловить своего старшего отпрыска от его непотребных помыслов. Саймон просто дрожал от возбуждения. Он оторвался от её губ:

— О, мама, как я хочу Вас... — да, и мисс Джена чувствовала это, его восставший любовный стержень с силой упирался ей в ягодицы.

— Саймон, — она посмотрела ему в глаза, — ты возьмёшь меня после своего брата...

— Нет, мама... Я не буду ждать..

Он обхватил её ягодицы обеими руками, вновь разводя их широко в стороны, так чтобы приоткрылся и её сфинктер и снова пустил слюну прямо туда. А в следующий миг, мисс Уолсори, задыхаясь, закатила глаза, потому что Саймон уже без всяких церемоний стал засовывать в неё уже три пальца, едва не разрывая её изнутри.

Раздавленная и обессиленная, мисс Уолсори обмякла и упала на грудь Джорджа, чувствуя как из её глаз брызнули слёзы..

— Но Джордж... Саймон... Неужели Вам мало?, — захныкала она, — вы и так уже сделали из своей матери настоящую шлюху, рабыню своих плотских утех... Вам дорога честь Вашей матери? Но что-то вы забыли про мою честь этой ночью... Саймон, опомнись, ты хочешь взять

меня, как самую последнюю непотребную девку! И где это видано, чтобы дама отдавалась сразу двоим мужчинам? О, нет... Я же и так в Вашей власти... Возьмите меня по — очереди, я о большем уже и не прошу!!

— Тише, тише, мамочка, — Джордж ласково утешал её. А Саймон всё также неумолимо мучил её попку своими пальцами.

— Обещаю, утром вы увидите самых почтительных и самых преданных и любящих Вас сыновей, мама... , — шептал Джордж, — нет, мама, прошу Вас оставьте эти ужасные слова. Вы не шлюха, — этой ночью вы наша наложница... Прощу Вас смириться с этим..

— Да, мама, Вы наша наложница... И мама, поверьте, моему опыту, — хмыкнул Саймон, — далеко не каждая шлюха, даже за очень большие деньги, согласится на подобное... — и он увесисто шлёпнул ладонью по её ягодице.

— Саймон, — одёрнул резко его Джордж, — не говори подобное ей... Мама, прошу Вас поцелуйте меня..

У мисс Уолсори всё поплыло перед глазами, точно в тумане.

Наложница...

Она вяло целовалась с Джорджем, когда почувствовала, как Саймон приставил к её анусу своё любовное орудие.

Она оторвалась от губ Джорджа и посмотрела в его глаза, тяжело дыша.

— Наложница... Значит, теперь Вам нужна не заботливая и любящая мать, а наложница для грязных плотских утех в Вашей постели?

— Да, мама, мы уже взрослые мальчики... , — за Джорджа ответил Саймон... , — и нам нужна от тебя уже другая забота и другая ласка...

Он засопел, его возбуждённая разбухшая головка неумолимо давила на колечко ануса, дрожащей от страха женщины. Мисс Уолсори вскрикнула, сама не зная от чего более, — от тягучей боли, ужаса, стыда или крайнего унижения..

— Мама, вам лучше расслабить Вашу попку, — простонал Саймон, — поверьте, так будет для Вас гораздо лучше..

Мисс Уолсори жалобно всхлипнула в ответ, вцепившись в плечи Джорджа, но всё же, понимая неизбежность предстоящего, почла за благоразумное прислушаться к совету Саймона и послушно расслабилась, впуская старшего сына в себя... Было больно... Она лишь тихо мычала, так как Джордж снова целовал её взасос. Из глаз мисс Джены потекли слезы, но никто из мальчиков не обращал на это внимания...

Саймон беспощадно ещё раз качнул бёдрами, и сразу почти половина его члена мягко вошла в её попку. Он крепко держал мать за бёдра и потихоньку шажок за шажком, давая матери время немного привыкнуть к своему члену, углублялся в мать.

Мисс Уолсори только всхлипывала и мелко дрожала. Джордж шептал нежные слова её на ушко, но она совсем его не слышала. Ей было сейчас совсем не до нежных слов. Сам Джордж не двигался, оставаясь в её лоне и ей стоило быть благодарной ему за это. Бедная женщина только жалобно вскрикнула, когда бёдра старшего сына тесно прижались к её ягодицам..

— Саймон, осторожнее, будь нежен, прошу тебя — приговаривал он брату, — дай маме привыкнуть к тебе..

Саймон и впрямь двигался плавно и медленно в девственной попке мисс Джены, но входил на всю длину.

— Господи, брат, как горячо и тесно, ты не представляешь... — пробормотал Саймон, — мама,

господи, Вы просто созданы для любви... Брат, ты тоже непременно должен попробовать её попку...

Мисс Уолсори лежала молча, не в силах ни что-то делать, ни о чём-то думать, лишь только выгибала спину, когда снова мужское орудие входило в неё и старательно расслабляла попку, чтобы уменьшить боль. Саймон покусывал кожу у неё на шее.

Господи, похоже, происходящее немало возбуждало не только Саймона, но и младшего Джорджа. Совершенно отчётливо, даже через боль от движений члена Саймона внутри себя, мисс Уолсори ощутила, как любовное копьё Джорджа в её лоне стремительно наливается мощью и силой. Мало того, бёдра младшего сына, пока ещё медленно и плавно, стали покачивать её на себе.

Но она чувствовала, что хоть и понемногу, но скорость и сила любовных ударов её сыновей возрастали. И как это ни странно, но мисс Уолсори никак не реагировала на такие действия, хоть и понимала, что скоро, в объятиях своих сыновей, возбуждённых и разгорячённых, будто молодые жеребцы на своей первой случке, ей придётся совсем не сладко. Но что она могла поделать? Что же ещё, как не смириться и не покориться своим сыновьям? Мисс Уолсори лишь громко и надрывно застонала, когда глубоко внутри её, разделяемые только тонкой перегородкой её плоти, встретились два мощных напряжённых любовных копьё...

— Мама, — неожиданно Джордж погладил её по щеке, — поцелуйте, Саймона, мама..

Рука Саймона взяла её за волосы и потянула голову назад.

— Мама, — голос старшего сына срывался от возбуждения, — мамочка, я люблю Вас... Мама, вы чувствуете меня?

— Да... — хватило сил выдохнуть у мисс Уолсори.

— О, мама... — простонал Саймон, впиваясь в её губы смачным и страстным поцелуем. Джена не оторвалась от его губ, даже когда он, потеряв голову, в очередной раз, вдруг вошёл в неё резко и одним махом до самого конца и так замер, прижимая её бёдра к себе изо всех сил. Мисс Уолсори только глухо простонала с языком сына глубоко у себя во рту.

Господи, спасибо, что это не Джордж овладевает ей сзади, краем сознания подумала она, с его исполинскими размерами, наверное, он бы просто разорвал меня пополам...

У мисс Джены было такое ощущение, что в неё будто вставили два толстых крюка, на которых подвешивают свиные туши мясники, и тянут один резко вверх, а другой вниз. Попка горела, словно, в огне.

Мальчики громко и сосредоточенно сопели, засовывая в неё свои члены. У них долго не получалось взять единый темп, скорее всего из-за неопытности Джорджа, чем изрядно измучили бедную женщину. Но, в конце концов, они сподобились делать это так, чтобы входить в неё по очереди.

И уж тут мисс Уолсори воочию познала, каково это быть шлюхой, которую яростно и безоглядно пользуют, словно, безвольную куклу.

Зажатая между двумя молодыми мускулистыми телами, как котлета в булочке, сотрясаемая их ударами, совершенно беспомощная, задыхающаяся, взмокшая, мисс Уолсори только громко ахала при каждом толчке. Мальчики, как она и боялась, потихоньку вошли в раж. Их копьё пронзали её с невероятной силой и скоростью на всю глубину... И теперь, помимо сопения и вздохов сыновей, громких стонов и криков мисс Уолсори, комнату наполняли звонкие шлепки бёдер Джорджа о бёдра мисс Джены и не менее громкие и звонкие шлепки бёдер Саймона о ягодицы мисс Джены.

Она не могла видеть лица Саймона, но выражение лица Джорджа, закатившего глаза от удовольствия, говорило, что мальчик просто вне себя от восторга. При этом он мял руками груди матери, а Саймон то и дело тянул мисс Джону за волосы назад на себя и постоянно смачно шлёпал ладонью по её ягодицам, находя в этом, по-видимому, какое-то особое удовольствие для себя. Это продолжалось очень долго. К тому же Саймон и Джордж намеренно растягивали удовольствие. Мисс Уолсори чувствовала, что когда кто-то из них уже был на самой грани извержения, то он замирал, крепко прижимая к себе бёдра матери и отдыхал, пока второй продолжал яростно быстрыми движениями вторгаться в неё. Это было ярким свидетельством того, что и младшему и старшему то, что сейчас происходило, было очень даже по вкусу, и что ни один из них, не хотел заканчивать своей любовной игры с её телом раньше того времени, в досталь не насытившись ей полностью.

Скоро мисс Уолсори была уже порядком измучена, и пребывала на грани того, чтобы от усталости и боли не оказаться без чувств.

Как могла, она выпячивала вверх попку, навстречу Саймону, чтобы его копьё легче входило в измученный сфинктер и не причиняло сильной боли. Женщина громко стонала в такт движениям своих сыновей, лишь только этим позволяя себе выказывать свои ощущения и чувства, которые она испытывала от происходящего безжалостного любовного слияния тел.

Все трое взмокшие, мокрые от напряжения тел и темпа движений, они скользили, как кубики в поту друг друга, наполняя комнату всё новыми сериями непристойных звуков.

Признаться, когда Саймон задёргавшись в сладких конвульсиях стал насыщать причинное место мисс Уолсори своим семенем, бедная женщина, пожалуй, была рада не меньше его. Быть в объятиях сразу обоих любовников — сие всё же было крайне утомительно, болезненно и также весьма-весьма постыдно для стыдливой души мисс Джены.

Она стойчески, невзирая на разрывающую боль в заднем проходе, выдержала финальные мощные рывки Саймона, чувствуя, как его бёдра с силой впечатываются в её ягодицы..

Когда обессиленный Саймон наконец вышел из неё и с блаженным стоном упал рядом на постель, мисс Уолсори снова упала на грудь младшего сына.

— Простите меня, Джордж, — прошептала она, — но у меня совершенно нет сил..

Джордж мягко поцеловал её в губы:

— Не извиняйтесь, мама... Всё хорошо..

Он легко перевернул её на спину и сам навалился сверху. Придавленная его большим и сильным телом, чувствуя, как руки сына снова раздвигают её бёдра и в её лоно снова медленно входит большой напряжённый член её мальчика, мисс Уолсори только закрыла глаза, обнимая сына за крепкие плечи.

И Джордж обрушился на неё со всей своей поистине ненасытной страстью и неисчерпаемым пылом, тараня тело своей матери с невероятной для любовного соития скоростью и мощной самозабвенной яростной силой. Это был настоящий ураган. Мисс Джена металась под телом младшего сына почти в полубесчувственном состоянии, под градом любовных ударов обрушившихся на её измученное и истерзанное лоно, царапая плечи и спину Джорджа. Она и сама не заметила, как её маленькие аккуратные ножки оказались на плечах Джорджа... Но почувствовала это, когда сын вновь обрушился на неё всем телом... И теперь, она тихо вскрикивала каждый раз, когда раскалённый огромный поршень снова и снова пронзал её едва ли не насквозь.

Но как это ни странно и не дико, но мисс Уолсори испытала истинное материнское счастье,

когда её младшее дитя громко шепча её имя, стал снова наполнять её лоно своим горячим семенем.

Мисс Джена гладила Джорджа по взъерошенным волосам, целовала его взмокшее лицо... И сама бёдрами подавала себя навстречу ненаглядному и любимому Джорджу, растроганная до слёз от странного нежного томления в груди при мысли, что её мальчику так хорошо с ней и что она выполнила свой материнский долг перед ним до конца, с готовностью принесла на алтарь своей любви к нему даже собственное тело и душу.

После, когда её дети, утомленные и счастливые, безмятежно и крепко спали, мисс Уолсори долго лежала без сна. На узком пространстве кровати между двумя сильными и мощными телами молодых мужчин, она сама себе казалась такой маленькой и хрупкой. Сил не было ни на что, даже на то, чтобы мыслить или молиться.

Молиться? Ей стало страшно... Нет, совсем не за то, что теперь она навсегда и бесповоротно упала в самую пучину страшного кровосмесительного греха. Нет, было кое-что, что пугало несколько более... Совершенно ясно и отчётливо мисс Джена Уолсори вдруг осознала, что никакого раскаяния или сожаления, а не то, что горя или несчастья, она совершенно не испытывает...

Ведь завтра наступит утро, а потом снова придёт ночь... Ей надо бежать... Прочь от своих сыновей. Немедля, спасая себя и своих сыновей от этого страшного проклятия, которое познали они все трое, вкусив на этой постели кровосмесительного запретного плода.

Бежать? Нет, мисс Уолсори знала, что ни сейчас, ни утром, ни завтра, ни даже через неделю она ни за что не убежит от своих мальчиков.

Сейчас она была с ними, и впервые за долгих и мучительных полгода разлуки с ними, её душа вблизи своих детей была спокойна и счастлива.

Мисс Уолсори вздохнула. Да, будет так... Её место рядом с её сыновьями. Даже если это место в их постели.

За окном незаметно наступало утро...

Продолжение следует..